10.08.93

Александр Борщаговский

Александр БОРЩАГОВСКИЙ:

«Сейчас место интеллигенции между враждующими силами»

Учит. газ. - 1993. - 10 авг. - с. 22

Начну с того, что мне и любопытна, и приятна возможность выступить на страницах «Учительской газеты». Я очень редко печатался в ней, и почему-то всегда это случалось в критические часы. Нет, не для меня. Это были трудные времена, скажем, для Юрия Щекочихина, пьесу которого в Центральном детском театре чиновники никак не хотели разрешать к постановке. И тогда выступить в защиту решилась именно «Учительская газета». Именно она открыла дорогу прекрасному спектаклю. Так было несколько раз в течение моей большой жизни. Я это считаю просто хорошей приметой.

Самое главное, - это то, что ваша читательская аудитория - учителя, которые сегодня меня больше всего интересуют. С ними я связываю самые большие надежды. Верю, что у нас славная молодежь, и знаю, что она куда более грамотная и начитанная, чем люди соответствующего возраста в 20-30-е годы. Она пытлива, несмотря на ужасные проявления бескультурья, преступности и массы других вещей, о которых просто не хочется распространяться, потому что мы без конца твердим об этом. В конце концов становится тошно от такого бесконечного повторения.

От учителей в огромной степени зависит, сделаются ли молодые интеллигентными - не всезнайками, а нравственными людьми.

Почему говорю об этом? Совсем недавно я прочитал в одной из московских газет письмо Анатолия Алексина, писателя, который, пожалуй, больше всех нас погрешил вдалбливанием детям и подросткам примитивного комплекса идей казенной пионерии, робости и полувоенной дисциплины. Каяться представителю моего поколения всегда найдется повод: трудно было прожить столько десятилетий с искренней, убежденной верой - работать, трудиться, писать, выступать, и чтобы все это было безгрешно, хорошо, не черно, не пакостно. Но есть люди, у которых особый повод покаяться. Почему этот писатель так настойчиво, разгневанно предлагает истребить воспоминание о Павлике Морозове, сбросить его памятник, и на этом месте поставить монумент цесаревичу, сыну Николая II, убиенному отроку?

Убийство царской семьи - это варварство, присущее всем революциям, и, конечно же, радоваться тут нечему. Но почему же кровь и жизнь этого больного, несчастного сына Николая II, почему она дороже, почему она святее, чем кровь Павлика Морозова и его младшего братика?

Есть одна из самых блестящих новелл Проспера Мериме «Маттео Фальконе». Так вот Маттео Фальконе узнает, что сынишка-подросток выдал его солдатам - карбонариям. Что делает Маттео Фальконе? Он убивает своего сына! Правда ли это? Может быть, неправда, а может быть, и правда. Но это великая притча, сила и глубина которой не зависит от того, кто пришел в Верховный Совет и кто доминирует в правительстве. Речь идет о высоких нравственных категориях. Среди них, особенно в условиях, когда бесчинствует сила, на первом месте - любовь, верность Родине, своему народу, свободе, наконец, чистоте человеческой.

Кому бы пришло в голову за полтора века существования этой новеллы обвинить Проспера Мериме в пропаганде сыноубийства? Сегодня же пытаются отнять у нашего читателя такого необыкновенного писателя - Аркадия Гайдара. Да, он пятнадцатилетним мальчишкой командовал полком, что-то не соразмерил, не справился с двумя-тремя пленными: их расстреляли. И что, «Голубую чашку» разбить? Причем это делается тогда, когда возвращаются такие величественные фигуры, как Деникин, Каледин, Краснов, Колчак... Мы грешны и бесконечно виноваты, что с ходу сбрасывали их в помойную яму истории, ограничиваясь короткой оценкой - «палач». Даже Савинков и Шульгин утверждали, что красный террор стоил белого, а белый - красного, и объективной была трагедия, разыгравшаяся на огромных просторах страны.

Приведу другой пример. Во всех английских поэтических хрестоматиях вы найдете прекрасную балладу, которая называется «Вересковое пиво». Пришли завоеватели, захватили острова, все к их услугам, все они могут сделать, но только не знают секрета вересового пива. Спрашивают у пленного отца, чтобы он открыл секрет, а он, видя ужас на лице своего сына, подзывает к себе вожака и говорит ему: «Я открою секрет, но раньше убейте сына». Он понимает, что сына непременно убьют, как погублено все кругом. Эта баллада живет и будет жить долго, пока жива английская литература, потому что она выражает высокую мысль.

Разве Павлик Морозов мог разбираться во всех исторических перипетиях, догадываться, как он обманут, как он несправедлив. Допустим, он был по-детски жесток, но ведь он делал все это не из-за конфет, не по ласковому посулу, а движимый высокой, благой идеей. Никто не будет возвращать эту историю как атрибут восхваления, страшного, истребительного для народа, ни с чем не сравнимого режима, созданного Сталиным и его камарильей.

- Вы всегда много говорили и писали о гражданственности, о нравственном выборе и много раз попадали в ситуацию, когда от вас требовались гражданственность и нравственный выбор. Что тут первое, а что второе? Писали вы об этом потому, что много раз приходилось бывать в таких ситуациях, или сами стремились попадать в них, потому что тогда вам было просто интересно?

- Нет, я не стремился специально выбирать ситуацию, просто веду подвижный образ жизни и всегда иду навстречу сложностям. По-моему, если на гражданский выбор взглянуть не как на результат умысла, тактической хитрости, то он абсолютно должен проистекать из нравственности. Никакими доблестями я не отличался в жизни. Не могу сказать, что трусил, просто был легкомысленным, безрассудным. Например, когда все носили на руках Корнейчука, когда его ласкал Хрущев, а Сталин читал его пьесы в рукописи и дописывал к ним какие-то реплики, то я считал своим долгом написать то, что думаю. «В степях Украины» - плохая пьеса, поверхностная. Тогда я не поднялся до мысли, почему же она нравится Сталину. Почему истерзанная, забитая, обескровленная деревня, едва-едва начавшая подниматься после голода на Украине 30-х годов, изображена как шагающая в коммунизм? Я не понимал, что работает служба обмана. Просто видел балаган, ничего общего не имеющий с жизнью, и напечатал статью в «Москве». Называлась она «Вопреки здравому смыслу».

Меня исключили из партии, когда я сумел сказать правду о пьесах Софронова и Сурова, об этом постыдном драмодельстве, которое загоняло в тупики, в ничтожное ремесло блистательных актеров сцены: просто плакать хотелось, слыша слова, произносившиеся людьми, выросшими на великих произведениях драматургии. Театральный критик Иосиф Ильич Юзовский сказал: «Александр, я не хочу рыться в этой куче. Может быть, там есть жемчужное зерно, но я - не петух, чтобы разгребать ее».

У меня была другая позиция, и за такие грехи как непризнание величия лауреатов Сталинских премий я вновь был исключен из партии и выселен из квартиры. Но вокруг меня находились друзья, помогавшие в беде встать на ноги. Этого не заменить никакими миллионами рублей. Я бы просто сибаритствовал, жаловался, красовался, ходил, рассказывал, как меня обидели, и ничего бы не написал. А жизнь заставила в девять часов утра заглядывать в Ленинскую библиотеку, садиться и писать книгу (я имею в виду исторический роман «Русский флаг»). Вообще любого мужчину в сорок-сорок пять лет самое страшное жизненное потрясение - крах, крутой поворот судьбы - не должно уничтожать. Надо перемениться, открыть для себя новую область деятельности, а может быть, стать поскромнее в желаниях.

- Прошли пятидесятые годы. Шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые миновали. Вы были хорошо издаваемым писателем, ваши книги переводились на многие языки мира. Вы были человеком с активной жизненной позицией, все время выступали по разным вопросам, принимали участие в дискуссиях. Как для вас сочетаются позиции признанного советского писателя и ваш личный взгляд на событие?

- Признанный советский писатель - рискованная и расплывчатая категория. Если говорить о признании писателя писателями, то это вообще утопия. Ведь обычно бывает как: тогда, когда уже покорно склонили голову и сошлись на том, что Твардовский первый из поэтов, то даже те, кто не считает так, будут твердить то же самое. Признание писателей - это чрезвычайный раритет, да и вообще они редко читают книги своих коллег.

Если говорить о шестидесятниках, то, по-моему, они прекрасные люди, а для меня это поколение - уже молодежь. Однажды я в течение одного лета прочитал около ста книжек молодых писателей. Затем выступил с докладом о молодой прозе. Он широко печатался и у нас, и за рубежом, и это было первое объявление миру Конецкого, Аксенова, Гладилина и других талантливых прозаиков. Шестидесятники от песни, от Окуджавы и до прозы - это прекрасная поросль, и это рождено временем, и это элементы свободы, ее проявления.

- Вы участвовали в критике «Метрополя»?

- Вина моя в том, что я всегда жил общественной и политической жизнью. Был заместителем секретаря парткома и не видел причины и повода уклоняться от обсуждения альманаха. Я внимательнейшим образом прочитал его, и мое выступление началось с того, что я сказал: зря в таком тоне ведется разговор. Это первое. Что касается заявления Сергея Владимировича Михалкова в адрес Липкина: «Пусть Липкин не думает, что он такая важная фигура в литературе, понадобится, мы найдем другого Липкина». Я сказал, что легче найти другого Михалкова, чем другого Липкина. Он - куда более редкое явление в литературе. А затем я говорил о прекрасных вещах, напечатанных в альманахе, и о том, что мне представляется бесстыдством, и это я буду говорить всегда, даже если бы моя жизнь длилась и сто, и двести лет. Я говорил это и о рассказах Евгения Попова, которого, кстати говоря, помогал принимать в Союз писателей. Рассказы его действительно бесстыдны, так как там все совокупляются. Критиковал повесть о Христе Гореншейна, сказал, что объяснять стороны жизни, идеологию Христа болезнью мочевого пузыря просто не по мне. Очень хвалил прекрасный рассказ Ахмадулиной, ее стихи.

- Вы испробовали много литературных профессий. Были театральным критиком и автором сценариев, писателем-романистом, и публицистом-мемуаристом, и военным журналистом. А как вы пришли в литературу?

- После семилетки работал и учился как котельщик на Александровском паровозоремонтном заводе, оттуда меня забрали комсомольским приказом: мы с несколькими товарищами в Запорожье создали театр рабочей молодежи. И тогда я сразу попытался написать. Это были несколько пьес-наивных, плохих, не стоящих никакого разговора. Затем меня забрали в Харьков в республиканский совет ТРАМов. Продолжал учиться, самообразованием сдал экзамены за среднюю школу, потом экстерном за театральный институт, а затем конкурсный экзамен в театроведческую аспирантуру. Написал диссертацию по украинскому театру, но в 1949 году у меня отняли ученое звание, правда, потом я понял, что оно мне совершенно ни к чему.

- Не могли бы вы немного рассказать о своей семье? Главный герой вашей пьесы «Дамский портной» напоминает вашего деда, он списан с него?

- Да. Психологически портретно перед моими глазами стоял именно этот человек, очень мною любимый, умерший в сорок первом году за два месяца до прихода немцев, проживший на земле больше девяноста лет. У меня три дочери, четыре внука и пять правнуков. Я прекрасно знаю, что такое дом и ценю его. Один мой зять - известный кинорежиссер сын Юрия Павловича Германа - Алексей. Другой зять - индонезиец, сын ученого, поэта, философа. Воспитывался в МГИМО. Он - художник, человек редкой деликатности, врожденной тонкости, помноженной на восточный артистизм и изящество. И при этом обыкновенный, доверчивый, задержавшийся, к счастью, в молодости. А это так красит серьезного человека, который умеет работать. Молодость сохраняли и Корней Иванович Чуковский, и Виктор Борисович Шкловский. Ее и сейчас хранит Валентин Берестов. Это очень важно, чтобы не прятаться за категорией чистой образованности, занудной книжности, чтобы не превратиться в такого человека, как профессор Серебряков в «Дяде Ване», замучивший до последней степени всех окружающих.

- Как бы вы определили интеллигентность сегодня?

- Для меня это нравственность, соединение неэгоизма, совестливости и постоянного, ответственного интереса к делам мира. А дальше - степень культуры. Это уже создает градацию.

Я - атеист. Все мои верования и отрицания верований целиком ложатся в книжку «Почему я не христианин» Рассела. Не надо путать интеллигентного человека с тем, кого на Западе называют интеллектуалом. Можно быть трижды интеллектуалом и при этом скотиной. Поэтому, даже если ты уверен, что Карабах - земля армянская, поостерегись, когда нет сдерживающих центров, занимать чью бы то ни было сторону. Ромен Роллан, как и многие крупные писатели, нашел в себе силы в первую мировую войну уехать из Франции в Швейцарию, чтобы не занимать одностороннюю позицию. Он не мог сказать, что правда и правота на стороне Франции, не верил в это. В такие часы, на мой взгляд, место интеллигенции - между враждующими силами, и только. И великий грех интеллигенции, если она своим авторитетом и лукавством, своим пасторством и умением поднимать людей толкает их в одну сторону.

Вижу, как часть моих собратьев теряет последние признаки интеллигентности. В таком драматическом положении находится сейчас, на мой взгляд, поразительный, первоклассный писатель Валентин Распутин. Появление его покорило всех, так же, как «Привычное дело» Василия Белова. Повесть, которая всех нас сразу сделала поклонниками, друзьями, братьями этого писателя. А сейчас начинаешь задумываться: тот ли он, этот человек, писатель, которого ты любил? Потом успокаиваешься, говоришь себе: «Я любил вот эту книгу - она хорошая, настоящая. А дальше что-то помешало ему развиться».

Михаил СИДЛИН

☞ Александр Михайлович Борщаговский, 1913 года рождения, драматург, театральный критик, публицист. Живет в Москве.